

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ВОСХОЖДЕНИЕ КЕНЕНБАЯ

В «ЦЕЛИННОМ» давали премьеру — цветной художественный фильм «Кыз-Жибек». Жильцы дома № 68 отпраздновали премьеру организованно, культпоходом. Приглашенные билеты дал им Кененбай Кожобеков из первой квартиры, артист.

Фильм держит зрителей в напряжении. Сшибаются в яростной сече всадники. Взлетают с озер лебеди, роняя с крыльев не воду, а гроздыя брусничной крови... В стародавние жестокие времена родилась в казахской степи поэма о Кыз-Жибек, шелковой девушке и ее трагической любви.

Но битвы, погони, плач и стелания женщин в траурных одеяниях не так трогали жильцов дома № 68, как потрясал, ввергая в немое изумление, отец шелковой девушки — седобородый Сырлыбай.

Невзирая на сложный грим, они сразу узнали своего соседа из первой квартиры. Они видели, как Сырлыбай грузновато встает с кошмы, выходит из юрты в степь, садится в седло, — они глядели на экран и не верили своим глазам: неужели это Кененбай, дядя Коля, как зовут его мальчишки во дворе? Неужели это он ходит по земле, ходит артист Кожобеков?!

ЕГО УДАРИЛИ в спину чем-то острым, не то шилом, не то бандитски заточенной отверткой. Четверо полупьяных недорослей на перекуростке. Слова, как ком грязи, брошенные в лицо: «Эй ты, шляпа, дай закурить!» И тени, стремительно исчезающие в зимних сумерках, когда он, теряя сознание, падал в снег... Их поймали и наказали примерно, о чем «Известия» писали в свое время. А было это пятнадцать лет тому назад, в январе шестидесятого года.

Спустя год, весной, дом № 68 по улице Дзержинского открыто и шумно, с бешбармаком и пельменями, с баяном, пловом и лезгинками справлял новоселье.

В предгорьях Заилийского Алатау не строили тогда высотных зданий, четыре этажа — предел. Четыре этажа, пять подъездов, шестьдесят квартир. И двор, предмет гордости истинного алмаатинца, с клумбами, обсаженными топилями и березками. Здесь знают цену зеленой тени. Зной в этих местах держится долго, окна распахиваются в начале апреля, а то и раньше, едва голая ветка урючины полыхнет, накликая весну, чистым розовым цветом.

Кененбай Кожобеков, популярный в Алма-Ате артист театра и кино, поселился в квартире на первом этаже. Поселился с женой, хрупкой молчаливой брюнеткой, и двумя детьми: сыном — вдовцом и шестилетней

дочкой. Его знали по фильмам «Алитет уходит в горы», «Джамбул», «Мы из Семиречья», «Девушка-джигит». Его видели на сцене Театра юного зрителя: Александр Ульянов в «Семье» Попова, Протей в «Двух веронцах» Шекспира, Абдрахман в «Чудаке» Назыма Хикмета и, конечно, Павка Корчагин... Его помнили каюром, табунщиком, отчаянным дуэлянтом, сильным, ловким, пружинисто упругим.

Теперь он с трудом передвигал костыли, и ноги его, точно чужие, волочили по земле.

В истории болезни значилось: «проникающее ранение спинного мозга». Была надежда, что в 32 года специальный курс лечения, тренировки и сам организм позволят бросить костыли. И Кененбай бросил их. Но только для того, чтобы сесть в железное кресло-каталку: ноги отказали полностью.

Во дворе его открыто не жалели, не лезли с участием. Но если надо было ему перебраться из каталки в «Москвич» с ручным управлением, всегда рядом, как бы случайно, оказывался сосед. Затевался ремонт автомашины, и вокруг дяди Коли вились мальчишки с гаечными ключами, плоскогубцами, ветошью, а кто и с пилалой кирпично-теплого чая, слегка подбеленного молоком. Пройдут годы. В доме № 68 сыграют немало свадеб, разлетятся из гнезда повзрослевшие сыновья. Но стоит по-прежнему тимуровский караул у железного кресла, сегодня его несет уже третье поколение мальчишек этого двора. И глядя, как с беззаветной готовностью кидаются Саша Цхай, Сережа Тлендиев, Коля и Саша Горностаевы выполнять его поручения, Кененбай скажет, грустно и нежно:

— Вот они, мои джигиты.

Пользуясь близким соседством, захаживал к артисту на огонек репортер Гоша Потапов. Захаживал не без тайной цели: набирался впечатлений. «Гвоздевой» материал, с которым он готовился выступить в газете, был поначалу ясен, как стеклышко, сидеть и писать: сила воли + заботливая жена + внимание коллектива. Мучили сомнения насчет заголовка. «Подвиг артиста»? «Человек не сдастся»? Или озаглавить будущий репортаж звонко, с эпическим размахом — «Сказ о мужестве»?

Вглядываясь в жизнь Кененбая, Гоша чувствовал, как сама надежность сползает с него, словно шелуха, ибо складывалась эта жизнь не из одних только плюсов.

Обычно Кененбай лежал навзничь, не жалуюсь на свою долю, хотя не мог сдвинуться с тахты на метр без посторонней помощи. Телефон под рукой с длинным шнуром, нехитрое устройство из бельевой веревки, протянутое через всю квартиру к

замку, чтобы можно было открыть его, если постучатся в дверь. Широкие слезы на лестнице для каталки и сама каталка, железное неуклюжее кресло, на которое Кененбай взбирался с таким выражением на лице, будто тащил его на дыбу. Затопленный состраданием, Гоша прозревал, понимая, что у этого человека словно бы сверкает перед глазами неведомая вершина, и он, стиснув зубы, продирается к ней сквозь такие пытки и душевные муки, что говорить и писать о них не надо, нельзя...

— Кенеке! — говорил Потапов, изменяя в имени артиста окончание, как это принято в разговоре на казахском языке, когда обращаются к человеку, заслужившему глубокое уважение. — Кенеке, может, тебе достать чего-нибудь? Дай подушки поправлю. Может, лекарство достать? Самое редкое! Ты только скажи...

В доме, где распахнуты настежь все окна, вести — добрые и худые — не лежат на месте. Как-то утром люди узнали, что от Кененбая ушла жена. Дети остались с отцом. Таки они живут, втроем. Ильяс, добродушный и покладистый крепыш, взошел на свои плечи лывиную часть домашних хлопот. В свободную минуту он присаживается к фортепьяно, и тогда Кененбай лежит в соседней комнате и гадает, что нового изучают будущие музыковеды в институте искусств. Алена поднялась как-то сразу, вдруг. Он ахнул, когда увидел ее перед школьным выпускным вечером в белом платье до пят. Поступала она в институт народного хозяйства. Последний экзамен — сочинение. Не вдаваясь в детали, она сказала, что писала сочинение на свободную тему — «Корчагин сегодня».

Из института, узнав оценку, она прибежала сияющая. Влетела молодым вихрем, кинулась на шею: пятачка!

У Кененбая дрогнуло сердце и перехватило дыхание, когда Алена сказала:

— Я о тебе написала, папа... **В КИНЕМАТОГРАФ** он попал благодаря забавному недоразумению.

В первые послевоенные годы он работал шофером на заводе. Приятель второпях, на бегу сказал, что идет набор казахов в школу киноактеров. Стать артистом он не мечтал, думать не думал. Он рано лишился матери, отца не помнил вовсе, рос в многодетной семье родного дяди, железнодорожника. Самым светлым воспоминанием детства, которое пришлось на годы войны, были вечера, когда он вместе с другими оборванчиками и полуголодными мальчишками взбирался на карагач и поперх стены летнего кинотеатра вглядывался в матово

светящийся экран. И впервые в жизни подвязав галстук, он в простоте душевной, извинительной и понятной в 18 лет, отправился на студию: ему послышалось, будто здесь идет набор в «школу кинобилетеров».

Две даты врубались в его память: когда родился и 10 января 1960 года, когда получил удар в спину. Жизнь, казалось, рухнула горным обвалом. Друзья, не все, конечно, а те, которым льстило знакомство с входившим в известность актером, отошли в сторону. Но пустоты вокруг себя он не ощущает. На смену этим, исчезающим, пришли другие. Совсем другие.

Глубокой ночью нередко раздается телефонный звонок:

— Не спишь, Кенеке? Знаю, что не спишь. Послушай, пожалуйста, — и приглушенно, словно боясь разбудить спящий город, композитор Нургиса Тлендиев напевает ему мелодию родившейся только что песни. Только ему, первому. На суд.

В дни испытаний судьба свела его с кинорежиссером Султаном Ходжикиным. Сначала они были просто знакомые, даже не приятели. Ходжикив пригласил Кененбая на одну из главных ролей в фильме «Если бы каждый из нас». Когда тот слег надолго, еще можно было подобрать другого актера, переснять кадры. Но Ходжикив избрал иной путь. Он добился, чтобы фильм законсервировали на год, и переделал сценарий так, чтобы роль инженера-гидролога Кененбай мог играть на костылях. Он, Султан Ходжикив, бывший командир батальона, панфиловец, обычно добивался поставленных целей — и в жизни, и в искусстве. Для Кененбая Ходжикив стал ближе брата, роднее отца. Пятнадцать лет они делят все пополам: семейные хлопоты, радость и горе, творческие заботы. В Доме кино, на вечер, посвященный пятидесятилетию Ходжикива, Кененбай, внесенный в зал на носилках, сказал: «Если я хоть что-либо сделал в кинематографе — это всецело его заслуга».

А сделал он много. Кененбай Кожобеков снялся в двадцати кинофильмах, исполнив в основном главные роли. В девяти из них он снимался уже после ранения в позвоночник.

Он не любит и не признает дублеров. В его первом фильме «Алитет уходит в горы» есть эпизод, когда Айе, вожак комсомольцев Чукотки, борется с волком. Кененбай упрямил Марка Донского, чтобы эпизод не имитировали и позволили ему схватиться с настоящим зверем. Кадры получились великолепные, а у него была прокушена рука. В фильме «Мы из Семиречья» большевик Нартай совершает побег из особняка казахского атамана, прыгая на круп лошади со второго этажа. Рискованный эпизод снимали шесть раз. Из окна все шесть раз прыгал Кененбай.

Теперь, лишенный возможности двигаться, он работает по-прежнему неистово и влюбленно в свое дело, но только работает с двойным напряжением. Из актерского арсенала у него остались лицо, глаза, голос. Это не мало. Он доказывает это всякий раз, когда участвует в съемках. Его партнерам приходится

нелегко. Рядом с этим беспощадным к себе человеком стыдно работать кое-как, не выкладываться до предела, просить о передышке. В ремонтной мастерской студии для Кененбая по его чертежу сварили из арматуры носилки со спинкой, чтобы можно было в них сидеть. На съемочной площадке за поручни носилок берутся помощник режиссера, декораторы, свободные от съемки актеры, осветители. Иногда, не часто, юпитеры гаснут. Команду «стоп!» подает не режиссер, а врач. Станислав Лобанов, лечащий врач Кененбая, ездит с ним во все киноэкспедиции, отправляется следом за своим пациентом в барханы, на альпийские луга, в тугайные заросли. Пока врач торопливо разбивает ампулы с камфорой, Кененбай сидит, откинувшись в носилках. Он не жалует, только сидит, серый весь, и сквозь зубы, закусившие губу, натекает брусничной алая капелька.

В своем дневнике он запишет: «Последние годы я работаю над каждой ролью, отдавая ей все себя так, будто это мой последний фильм». Именно в эти годы ему присвоили звание народного артиста Казахской ССР, а на V Всесоюзном кинофестивале в Тбилиси наградили специальным дипломом за исполнение роли Сырлыбая в фильме «Кыз-Жибек».

Эту роль он получил не сразу. Фильм ставил Ходжикив. Ему, гвардии капитану запаса, пришлось вести чут ли не подлинный бой, применяя военную хитрость и ломая сопротивление тех, кто возражал против участия Кененбая в картине.

НА ЗАСЕДАНИИ художественного совета студии «Казахфильм» я не был. Я видел пленку, крохотный ролик с актерской кинопробой и свободно могу представить, что же происходило в рабочем зале студии, когда утверждались исполнители ролей в «Кыз-Жибек».

В зале царила настороженность. Никто не сомневался в драматическом таланте Кожобекова, ему сочувствовали, его ценили. Но отдать ему роль Сырлыбая?.. Отец шелковой девушки должен быть все время среди своих соплеменников, в движении, верхом на коне. Режиссер-постановщик Ходжикив, видимо, ошибся. Его надо поправить, поспорить с ним, если на то пошло... Погас свет, вспыхнул экран. В полной тишине вдруг кто-то вскрикнул от удивления. В зале сидели люди, для которых кинематограф был профессией. Они знали все о технике кино, о комбинированной съемке — и все-таки они смотрели на экран и не верили своим глазам. Это было похоже на чудо...

Кененбай в гриме седого старца взглянул с экрана, да так, словно хотел заглянуть кому-то в душу. Губы его шевельнулись, он повернулся спиной и... встал.

Он встал, этот распавшийся в железном кресле и не сломленный человек. Он встал! И, легко ступая, пошел по земле.

Г. АКСЕЛЬРОД,
спец. корр. «Известий».
АЛМА-АТА.